

MEMOIRS  
OF THE COUNT  
DE ROCHECHOUART

1788—1822

IN FRANCE, SOUTHERN-RUSSIA, IN THE NAPOLEONIC  
WARS, AND AS COMMANDANT OF PARIS

*AUTHORISED TRANSLATION*  
BY FRANCES JACKSON

AUTHOR OF "A PAPAL ENVOY DURING THE REIGN OF TERROR,"  
"MEMOIRS OF BARON HYDE DE NEUVILLE"

LONDON  
JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET, W.

1920

MEMOIRS OF  
THE COUNT DE ROCHECHOUART



LOUIS-VICTOR-LÉON, COMTE DE ROCHECROUART  
1788-1858

*From a Portrait by Mansion*

*From a piece.*

## ГЛАВА II

### В Черкесии

Нам поставили задачу атаковать Анапу по суше, а флот под руководством маркиза де Траверсе должен был покинуть Севастополь и бомбардировать город с моря. Великий Черноморский флот России, а также мелкие морские базы Николаева, верфи Херсона и Севастополя – всё это находилось под командованием маркиза де Траверсе. Таким образом, два француза руководили этой великой провинцией [здесь *говорится о двух французах: Герцоге де Ришелье и маркизе де Траверсе*]. Александр дал им наиболее полные полномочия, так как был уверен в их таланте, их лояльности, и прежде всего, их большой надёжности. Он даже дал им карт-бланш на принятие решений в некоторых конкретных случаях, что есть редким явлением для проявления полной самостоятельности, что вызывает зависть у властных структур.

В Тамани по телеграфу нам сообщили, что флот из двенадцати судов отплыл из Севастополя. Герцог Ришелье, будучи во главе своей дивизии, после этого известия сразу перешел Кубань - реку с сильным течением, образующую границу между Россией и Черкесией. Во время своего похода его отряд не встречал ни малейшего сопротивления. Он двигался на Анапу по достаточно твёрдому участку, чтобы выдержать вес артиллерии. Маршрут проходил вдоль морского побережья. Правый фланг отряда был защищён морем, а его левый фланг огибала красивейшая луговая земля. Это происходило в середине мая с великолепной погодой, под лучами восточного солнца и воздуха, насыщенного ароматом цветов, которые изобилуют на этих лугах весной. Этот поход в Азию производил впечатление на моё ещё юное сознание, возбуждало восторг и уверенность, что всё это никогда не исчезнет из моей памяти.

Войско двигалось в течение всей ночи и остановилось на рассвете, в четырех верстах от крепости (верста примерно соответствует нашему километру). Затем мы выдвинулись налево от берега и пошли вверх по пологому склону, заняв позицию на этом плато, возвышающимся над городом. Пехота выстроилась в

боевом порядке фронтом к морю; кавалерия заняла левый фланг, артиллерия плотно расположилась в центре.

Адмирал, будучи на борту корвета и подойдя к передней линии боя, дал флотилии сигнал на начало атаки. Контр-адмирал ответил ему. Сразу после этой команды все суда стали подходить к анапской крепости и с расстояния, равному примерно половине пушечного выстрела, производили орудийный залп по крепостным укреплениям, по городу и порту. Каждое судно, выполнив такой маневр, разворачивалось и возвращалось обратно в корабельный строй для того, чтобы ещё раз повторить орудийный залп по несчастному городу. Эта мощная бомбардировка уничтожила батареи, валы, дома и общественные здания, взорвали два пороховых склада. Анапский паша не ожидал этого нападения. Он был вынужден снять гарнизон и скрыться в лесных зарослях, расположенных на расстоянии нескольких верст от города. За ними последовало всё население крепости.

Перед проведением третьего залпа адмирал в подзорную трубу обнаружил, что город был покинут. Вместо того, чтобы дать нам условный сигнал, он приказал свезти две роты морской пехоты на берег, желая придать флоту славу завершения победы.

Но наши казаки, лучшие разведчики в мире, доложили нам, что город был эвакуирован. Тогда герцог де Ришелье, возглавив свою конницу, скакал галопом, приказав пехоте следовать за ним как можно быстрее. Он вошел в город одновременно с морской пехотой. Но, будучи слепленные дымом от горящего города, кавалерия не смогла опознать своих морских пехотинцев и они произвели несколько выстрелов друг в друга. К счастью никто не был убит, хотя восемь или десять человек были ранены. Пуля срикошетила и попала в моё седло, когда я пытался остановить наших воинов от стрельбы. Нашей первой задачей было погасить пламя и сохранить как можно больше домов. Мы сделали всё, что было в наших силах для того чтобы, разместить потом наши войска. Большая мечеть не была повреждена огнем. Господин де Ришелье со своей свитой заняли там

помещения. Была и у меня своя доля добычи, я взял великолепный экземпляр Корана, отделанный светящимися буквами, украшенный виньетками, изысканными арабесками и связанных в очень оригинальной манере. Несколько лет спустя Рамису – Паша, проезжавшему через Одессу, я имел неосторожность показать ему эту книгу. Едва он взглянул на нее, он сразу сказал: "Дай мне эту книгу, она принадлежала святому человеку, который обогатил ее благочестивыми размышлениями, она должна быть в руках верующего". Он обратился со своей просьбой к герцогу Ришелье так быстро, что я должен был отдать ему свою добычу.

Город был еще в огне, но мы не могли объяснить того аромата, который заполнил воздух. Удивительное явление, ведь у горящего города обычно бывает очень невыносимый запах. Он исходил от частокола из кедрового дерева, материала, который мы используем для изготовления карандашей. Высокие столбы дыма с этим запахом поднимались в воздух. С большим трудом мы потушили огонь, который разрушал этот драгоценный частокол. Я взял большую часть этого частокола и, по возвращении в Одессу, французский столяр смастерил мне из него туалетные принадлежности. При пересечении Березины в ноябре 1812 года я потерял этот несессер (*шкатулка или футляр для мелких предметов, используемый для хранения принадлежностей гигиены, косметики, маникюра, шитья, рукоделия и др.*), который я очень ценил.

Трудно себе представить этот большой город, покинутым всеми его обитателями. Дома и магазины с мебелью, товарами и всем тем, что владельцы не смогли взять с собой, были открыты. За исключением кошек, мы не нашли ни одного живого существа: ни собаки, ни лошади, ни кого-то из крупного рогатого скота или овец. Все они последовали за жителями города.

Оставив гарнизон защищать город, герцог де Ришелье вернулся в Одессу. Император только что возложил на него обязанности командования резервом Молдавской Армией, и это потребовало его присутствия на месте. Я попросил, чтобы он позволил мне остаться с генералом Гангебловым, который был оставлен

командовать экспедиционными силами, с новой задачей. После взятия Анапы нужно было продвинуться в глубь страны, чтобы дать серьезный урок для всех маленьких независимых князей чьи воинственные привычки напоминали тех наших феодалов в тринадцатом и четырнадцатом веках. Независимо от договоров, подписанный два года назад, и без объявления войны, они предъявляли свои претензии на землях запорожских казаков, увели много голов крупного рогатого скота, и захватили некоторых из их жен и детей и продавали их в Кабарду.

Ришелье колебался. Он только что получил депешу от верховного главнокомандующего Армией на Кавказе, сообщающей, что старший сын Дюк д'Омонт (деверь или шурина т.е. брат Герцогини Ришелье не по крови, а по закону) были убит во время штурма маленького городка. Будучи капитаном пехотного полка, действующего в авангарде, Эрнест д'Омон вел свои войска вверх по лестнице, когда свалившийся от верхней части стены камень упал ему на голову. Ришелье ещё рассказал мне о смерти Галбрехта, его первого помощника-адъютанта, который служил при нём в течение пяти лет. Галбрехт получил разрешение остаться с братом перед Измаилом, и только что отступил в ночной атаке на острове Четал; нападение не удалось, т.к. штурмовые лестницы оказались слишком короткими. Все эти плохие новости произвели глубокое впечатление на доброго герцога. Я оставался его единственным помощником-адъютантом, и почти его родственником. Моя юность была ему симпатична; он боялся за меня, еще хотел увидеть мой рост по военной лестнице; что было хорошей возможностью; а экспедиция могла продлиться всего несколько дней в связи с небольшим количеством продовольствия и боеприпасов, которые мы могли взять с собой. Наконец, он согласился позволить мне сопровождать генерала Гангеблова.

Мы покинули Анапу в вечернее время. Ришелье расстался с нами через версту пути и направился обратно в Тамань, в то время как мы повернули направо и вошли вглубь страны. Это было в конце июня, и духота заставляла нас идти только ночью. Гидами в походе через эту неизвестную страну, ощетинившуюся

горами, покрытыми густыми лесами, у нас были черкесские князья, враги тех, кого мы собирались наказать, мурзы, татарские дворяне, и, прежде всего, доблестный Гаслам - Гирей.

Незадолго до восхода солнца мы остановились на восхитительном лугу, залитом рекой Адагум, для того, чтобы дать отдохнуть пехоте. Хотя казачьи разведчики не сообщали о присутствии врага, генерал принял все необходимые меры предосторожности; он воевал в течение нескольких лет на Кавказе и знал, как воинственные жители гор могут воспользоваться неосторожностью отряда и уничтожить войска, застав их врасплох.

Старый черкес, Пек-Мурза, сказал нам: «Мы недалеко от резиденции Сефер-бея, глава отряда, который увёл жен и скот казаков. Луга, где мы отдыхали, принадлежат ему. Аул (татарская деревня) стоит ограбить и разорить. Генерал приказал мне взять пятьдесят егерей и столько же казаков и совершить нападение на эту деревню. Он посоветовал: "Будьте благоразумны. Не нападайте всеми вашими силами; сперва отправьте казацкие разведчиков разведать обстановку в деревне, затем, определите наличие или отсутствие жителей. Остерегайтесь засады. Всегда около себя держите сильный резерв. Прежде всего, нельзя недооценивать врага, если он оказывает слабое сопротивление. Я предупреждаю вас, что эти ребята смелы и опыты в военном искусстве. Идите, да хранит вас Бог! Я буду держать отряд, готовый вывести вас в случае, если там будет слишком много черкесов". Он знал, что я впервые принимаю командование и предстану перед лицом врага, и что я не знаком с ведением войны на Кавказе. Ответственность обязывала меня делать всё в точности и следовать его мудрому совету.

На выходе из лагеря, мой гид взял путь налево. Вскоре после этого, отряд вошел в густой лес, который, к счастью стал менее плотным в течение короткого времени движения. Мы тогда были среди больших деревьев и достаточно далеко друг от друга, чтобы иметь возможность видеть, что происходит вокруг нас. Три казака с проводником пошли впереди; четыре остальные последовали на

расстоянии пистолетного выстрела. Шесть казаки с каждой стороны прикрывали фланги. Таким образом, я прошел около половины версты, когда я увидел аул. Семь казаков авангарда вступили в аул с копьями наготове. Будучи разумными, они не сделали поспешных шагов, хоть и жаждали грабежа. Сперва они захотели разведать, пустынный были строения или нет. Это было правильно сделано, потому что после того, как они прошли первое жилище, раздался выстрел и молодой человек спрыгнул с плоской крыши с пронзительным криком, который был слышен в ушах в течение длительного времени. "Это крик тревоги", сказал мой проводник. "Будьте начеку." Я сразу определил часть моего отряда, чтобы они были готовы стрелять из мушкетов. Едва это было сделано, как тут же завязалась перестрелка между моими солдатами и примерно тридцатью черкесами, которые были гораздо более опытны, чем мои стрелки. Я приказал половине моих казаков спешиться и оставить лошадей, назначив одного или двух из своих товарищей следить за ними в центре. Сразу четверо из моих людей были ранены; враг мог спокойно целиться из-за деревьев. Я спросил моего проводника, другая сторона аула не более ли открытая? Он ответил, что около ста шагов дальше было большое безлесое поле. Я дал приказ прекратить стрельбу и послал унтер-офицера и пятнадцать егерей занять это поле. Я проследовал за ними с остальной частью отряда. Этот маневр повлек дальнейшие смерти; мой храбрый сержант был убит и шестеро егерей (или казаков) были ранены муллой в зеленом тюрбане; его сын заряжал один пистолет, когда он стрелял из другого. Мой бедный сержант был убит выстрелом в сердце, пытаясь захватить ненавистного муллу. Его смерть была быстро отомщена; воспользовавшись моментом, когда мулла менял ружье, казак пронзил его копьем. После гибели этого исчадия ада, его товарищи бежали. Преследуя их, я покинул лес, выйдя в поле, где отряд уже был в относительной безопасности. Опасаясь, чтобы не сделать ещё неверных шагов, я из оставшихся стрелков послал двадцать казаков в аул, чтобы они унесли всё, что могли и подожгли бы их жилище. Когда казаки подожгли аул, возникшие

крики показали, что там ещё оставались женщины. Я послал людей, чтобы спасти их.

Мы взяли 30 голов крупного рогатого скота, 6 лошадей, 150 овец и большое количество ячменя; также 8 женщин, 5 младенцев у них на руках и 3 мужчин, которые были больны, среди них брат главы аула - таков был результат моей экспедиции. Егеря и казаки разделили одежду и оружие между собой; моей добычей стал кинжал, найденный на поясом страшного муллы. Деревня сгорела дотла, а мы собрали добычу и начали отступление. Мне очень хотелось скорее выйти из леса, где сравнительно небольшими силами можно было остановить нас. Раненые смогли идти самостоятельно; тело мертвого сержанта было помещено на носилки спешно сплетённого из веток. Генерал Гангеблов, услышав стрельбу, прислал мне отряд в качестве подкрепления, вместе с хирургом и телеги для наших раненых и для добычи, затрудняющих общее движение. Солдаты хотели нести носилки, на которых лежало тело их сержанта; несмотря на их усталость, они настаивали на оказании этой почести ему и в знак уважения несли до самого лагеря.

По возвращении генерал поздравил меня с полным успехом экспедиции. Захват трех мужчин, в том числе брата Сефер-Бея, давало возможность удачного обмена пленными. Что касается женщин-заклученных, то я ожидал встречи с красивыми черкешенками. Полное разочарование! Все они были старыми и уродливыми. Одна из них оказалась женой казака, взятой в плен несколько месяцев ранее.

Мы оставили наш лагерь незадолго до полуночи для проведения карательной экспедиции на территорию Калабат-Оглы, убийцы отца нашего друга Гаслама и основного виновника последнего нападения на казаков. Полное отсутствие дорог сделало марш очень утомительным; мы должны были очистить наш путь, пролегающий через леса и густые заросли и построить своего рода мост для артиллерии у каждого потока. Наконец, в девять часов утра, мы вышли в поле зрения дома вождя. Казаки атаковали главную деревню не дожидаясь приказа

генерала, и подожгли его в нескольких местах одновременно . Все жители бежали в окрестные леса. После этого подожгли ещё несколько деревень и захватили очень много лошадей, крупного рогатого скота и овец. Мы пересекли реку Кубань и вернулись в Россию через восемь дней после того как вышли из Анапы.

Оставив войска генерала Гангеблова, я отправился в путь по направлению к Одессе, имея в качестве поручения от генерала доклад о ходе экспедиции. Мы сожгли более 300 домов, захватили 500 голов крупного рогатого скота и привезли 106 пленных обоих полов, которых суждено было обменять на русских, которые были захвачены в плен во время предыдущих рейдов. К этим деталям он добавил число наших потерь и рекомендации по продвижению. Я был рекомендован для присвоения звания поручика.

## Глава VII

### *Мадам Нарышкина в Новороссии*

В мае 1811 года мы узнали, что мадам Нарышкина, по совету своих врачей, выехала из Петербурга искать более теплый климат для своей дочери Софи. Император был отцом этой маленькой девочки, и был очень привязан к ней, ведь она была единственной, кто остался с ним; её старшая сестра умерла, как и две дочери от императрицы Елизаветы Петровны. Все его отцовские чувства были сосредоточены на этом очаровательном шестилетнем ребёнке. Он согласился расстаться с ней только будучи уверенным, что только климат Одессы и морские купания помогут восстановить её здоровье. Из этой поездки она вернулась домой совершенно здоровой. После она была обручена с графом Шуваловым, который внезапно умер, будучи ещё очень молодым.

Развлечь мадам Нарышкину представлялось сложной задачей, особенно в резиденции генерал-губернатора, которая была именем среднего класса, простым и непритязательным. Ришелье сказал мне, чтобы необходимо найти что-то подходящее, чтобы развлечь эту многочисленную и знатную компанию. Графиня Потоцкая жила в прекрасном большом доме с красивым садом, ведущим к морю. Я поехал в Тульчин просить её милости на использование этого дома для приёма мадам Нарышкиной. Три дня спустя я вернулся с необходимым разрешением. Я не сомневаясь рассказал мадам Потоцкой, насколько я был обязан мадам Нарышкиной, и эта добрейшая леди оценила мои чувства благодарности и великодушно даровала мне своё согласие на эту мою просьбу. Мы ожидали в гости восемнадцать человек - Мадам Нарышкину и её дочь Софи, три дамы (русская, полька и англичанка); немецкого врача, М.Виконта, француза, служившего секретарём; М.Павлова, главного егеря, М.Дмитрия Нарышкина, погонщика гончих, обязанности которого исполнял Чемберлен, Миле, гувернантка Софи; три венгерки - горничные, повара, дворецкого, курьера и три пеших.

Мадам Нарышкина, родившаяся в 1780 году, была дочерью князя Четвертинского, который был убит во время польских войн. Она вышла замуж, когда ей было только пятнадцать лет, за господина Нарышкина, брата Великого Чемберлена и потомка бывшего фаворита императрицы Екатерины. Император Александр был пленён её красотой и остроумием, и после того, как она стала вдовой, она стала его любовницей. Визит госпожи Нарышкиной занимало всё наше время. Я искал различные занятия, которые будут приятными для неё. В течение двух месяцев были шары, концерты, катание на лодках и экскурсии на море, аттракционы и качели следовали один за другим без перерыва. Тёплый климат и безоблачное небо Одессы плюс морские ванны очень быстро оказали благотворное влияние на здоровье маленькой Софи, здоровье которой часто было источником беспокойства для её отца и матери. Для того, чтобы завершить лечение, так хорошо начатое, врач в Одессе посоветовал совершить тур в Крым, где климат был ещё теплее. Все гости приветствовали эту идею с энтузиазмом, но для этого было необходимо получить одобрение от императора. Ответ не заставил себя долго ждать. Император поездку одобрил и всё разрешил, но только с тем условием, чтобы это путешествие не было в тягость. Я описываю эти события спустя тридцать лет после экспедиции, но самые пустяковые подробности, связанные с ней, словно выгравированы в моей памяти; кажется, как будто всё это было только вчера, ибо невозможно было даже мечтать о более восхитительном путешествии.

Мы отправились в дорогу во вторник, 5 сентября 1811 года. Нужно сказать, что даже путешествие императрицы Екатерины II никогда не было таким многочисленным. Такая блестящая компания ещё ни разу не появлялась в тех краях. Погрузка багажа и другие организационные вопросы, предшествовавшие нашему отъезду из Одессы, были завершены лишь к полудню и первая часть нашего путешествия получилась очень короткой и составила лишь одиннадцать миль. Мы должны были провести ночь у генерала Кобле. Авангард наш был в следующем составе: фургон с посудой мадам Нарышкиной, телеги с продуктами,

брички с кухонной утварью, плитой и столами. Моя карета следовала за ними. Со мной ехал компаньон Дулэ-дель-Кастильо (испанский консул). Позади, один в своей карете, следовал господин Перовский, внебрачный сын графа Разумовского, который и рекомендовал его графу Ришелье. В поездке он выполнял обязанности секретаря по гражданским делам. Это путешествие оказалось очень удачным для него, так как оно в итоге привело к его к браку с мадмуазель Шарлоттой де Салли, одной из компаньенок (*по тексту горничных*) мадам Нарышкиной. За ними следовала карета с горничными; далее карета секретаря Виконта с немецким врачом Мюллером; повозка господина Павлова с графиней Арцен (*Artzen*), Шарлоттой де Салли и гувернанткой маленькой Софи. Затем, в последней карете, ехали мадам Нарышкина с дочерью и граф де Венансон (*Venanson*), начальник штаба герцога де Ришелье. Бедняга был очень красивый и, как говорят, был слишком внимателен. Он был чрезмерно внимателен и уделял много времени по отношению к великой леди. Не посмеивалась ли она над этим позже со своим августейшим любовником, или не рассказала ли про это по злобе Императору? Некоторые считали, что из-за этого граф де Венансон, несмотря на свои заслуги в походах 1812, 1813 и 1814 годов, так и не получил никакого продвижения по службе или награды. Он оставил русскую армию, вернулся в свою родную Сардинию и быстро поднялся до звания генерал-лейтенанта. Герцог де Ришелье, который пожелал лично принять меры для замены лошадей наших карет, выехал на два дня раньше со своим двоюродным братом, графом Шарль де Растиньяк, полковником российской армии. Наша партия состояла из двадцати восьми человек.

Наш маршрут проходил через Херсон, Перекоп, Ак-мечеть, Бахчисарай и Севастополь, где ждал нас самый блестящий приём. Погрузившись на небольшое судно, мы прошли перед украшенным флагами флотом, который приветствовал нас залпами корабельной артиллерии. Обед и празднества проходили в гостиных Адмиралтейства, украшенных морскими эмблемами, затем мы последовали на экскурсию в монастырь Святого Георгия. Нам пришлось в голову разыграть

действия трагедии Ифигения на реальном месте событий, описанных в пьесе. В Балаклаве комендант батальона и греческой колонии в честь дня рождения генерал-губернатора и по нашей просьбе разыграл представление о взятии форта, которое было 25 сентября 1808 года.

Для продолжения нашего пути вдоль южного побережья, в Балаклаве приготовили восемьдесят верховых лошадей и пятьдесят вьючных лошадей для транспортировки нашего багажа, провизии, кухонной утвари и т.д. Нас везде встречали с большими почестями, как по мановению волшебной палочки, организовывали оригинальные празднества, для нас проводили концерты, танцы, пикники, фейерверки, иллюминации. В Бахчисарае, спрятавшись в галерее мечети, мы увидели танцы и пение дервишей, которые выступали до тех пор, пока не упали на землю, полумертвые от усталости. На следующий день мадам Нарышкина посетила гарем мусульманского начальника, и этот визит чуть не закончился плохо. Я был белокурым, чисто выбритым, моя кожа была чистой и белой. Мадам Нарышкиной пришла в голову мысль заставить меня надеть платье одной из придворных дам, и шляпу с большой вуалью. Таким образом она настояла на моем присутствии около неё. Дамы гарема очень заинтересовались деталями платья европейских дам, окружили нас, трогали и осматривали нас; особенно их заинтересовали корсеты. Одна из них подошла ко мне, чтобы тщательно рассмотреть мои одежды. Опасаясь нешуточного скандала, я сделал вид, что нахожусь в очень плохом настроении, и отошёл в сторонку, чтобы усевшись в углу на диване, сделать сердитый вид. Это позиция была для меня также опасной, ведь я находился среди стольких красивых женщин, к тому же не совсем одетых. Тем не менее, я ушёл от дальнейшего растления, ведь меня, как угрюмую леди, оставили в покое. Мы остались на пять дней в Гурзуфе. Пребывание там закончилось положительно, дамы приняли морские ванны и без усталости из сада смотрели на виды Черного моря.

Мадам Нарышкиной везде делали подарки с королевской щедростью, она была весела на праздниках, на которых каждый стремился перещегоолять другого

в оригинальности и роскоши. Мы все были молоды и веселы, поэтому в течение четырех недель всё проходило под постоянный хохот. Маленькая Софи окончательно подружилась со мной, называла себя моей жёнушкой, показывала мне все письма от её отца, образцы простоты и нежности по отношению к своей дочери. Как я уже рассказал, мы оставили Одессу 5 сентября, а 30 мы прибыли в Судак, где нас ждал экипаж, который должен нас доставить в Каффу (*Феодосию*), где вся экспедиция должна была встретиться. Мы прибыли тремя различными маршрутами, так как не было достаточного количества лошадей для всех наших карет. У нас было сорок восемь часов на осмотр достопримечательностей Каффы. Вечером второго дня г-н де Ришелье объявил, что празднества подошли к своему завершению, и нас ждут серьезные дела: он только что получил депеши с указанием начать кампанию по захвату Суджук-Кале, порта на Черном море, расположенному к югу от Анапы. Это был старый форт, построенный ещё генуэзцами. Он в последнее время был использован турками для отправки оружия и боеприпасов для черкесов. В соответствии с распоряжениями нас ждали войска на Анапу. Генерал Рондзевич со второй частью войск экспедиции, уже пребывал в Тамани с полком казаков. Таким образом, мы должны были расстаться в Каффе. Часть должна была возвратиться в Петербург и в Одессу, другие, переправившись через керченский пролив, должны были присоединиться к экспедиционным силам. Мадам Нарышкина была одержима желанием сопровождать нас до Анапы, чтобы потом иметь возможность рассказывать, что она была в Азии. Для того, чтобы освободиться от ответственности, Ришелье настаивал, что Софи не должна принимать участие в этой экспедиции, должна оставаться в Каффе с гувернанткой, доктором Виконтом, поваром и половиной слуг. Когда это было улажено мы отправились в Керчь, где для переправы в Тамань мы должны были пересесть на корабли императорского флота. Транспорты ещё не прибыли и мы ждали их два дня. Мы провели это время в изучении руин древней столицы Митридата, а вечерами забавлялись играми в пословицы в присутствии любопытной группы зрителей - казаков, мусульман, колонистов всех

национальностей, русских солдат и т.д. Всё это проходило на могиле Monima. Задержка со стороны Адмиралтейства казалось тем более необъяснимой, так как все было определено и договорено заранее между герцогом Ришелье и маркизом де Траверсе, недавно назначенным из Морского министерства. По приказу императора, экспедиция на Суджук-Кале была поддержана эскадрой из Севастополя. Она должна была поставить вооружение, боеприпасы и артиллерию, необходимые для оккупации гарнизона города. Транспортные суда пришли и мы пересекли пролив около крепости Ени-Кале, вышли на берег Тамани и очень рано утром отправились в путь, оставив два великолепных шлюпа на случай возвращения мадам Нарышкиной из Анапы на её обратном пути. Наши четыре дамы, окруженные блестящим окружением из эскорта казаков, расположились в карете, запряженной шестеркой лошадей. Небольшие отряды были распределены по маршруту, чтобы избежать опасности попасть в засаду. Можно легко представить себе очарование, полученное от военной обстановки, сопровождающих наших путешественников. Они с большим удовольствием восприняли начало этой кампании. Покрыв расстояние в пятнадцать вёрст, мы остановились на полпути для приёма пищи, и чтобы дать лошадям и слугам время для отдыха. Анапа не имеет гостиниц, поэтому, когда наступила ночь, размещение было очень примитивным: матрасы, уложенные на земле и накрытые покрывалами, были вместо кроватей. Дамы были в восторге от этого подобия бивуака, совсем не жаловались, а лагерь был причиной нового повода для веселья. На следующее утро наши амазонки сели на лошадей и в сопровождении г-на де Ришелье отправились в лагерь расположения войск (в Анапе). Вечером был импровизированный балл; на который пехотный полк из гарнизона, дислоцированного в городе, отправил свою группу. Во время бала, герцогом де Ришелье был представлен мадам Нарышкиной один из наших самых преданных и верных друзей Гаслам-Гирей, который рассказал ей свою историю. Гаслам-Гирей, родившийся в 1786 году, принадлежал к старинному черкесскому роду, из которого вышли несколько крымских ханов. Наш герой был очень высокого

роста, с прекрасной фигурой и красивым лицом. Когда ему было всего четыре года, его отец был убит Калечат-Оглы, грозным начальником Абазов, который в то время захватил все стада и имущество своей жертвы. Оставшись сиротой, Гаслама принял дальний родственник Морачин-Бей, объявленный врагом Калечата.

Привыкшие с детства носить оружие во время постоянных войн, которые Морачин непрерывно вёл либо с соседним князьями или с казаками на Чёрном море, Гаслам вскоре стал настоящим воином. Обладая героическим мужеством с истинным военным искусством, в другой стране он стал бы отличным генералом. Он влюбился в дочь Морачина Мирю, по праву считающейся самой красивой девушкой в этих краях, где все красивые женщины пользовались большим спросом в гаремах Константинополя. Он попросил её руки.

Морачин ответил: "Поймите, что моя дочь стоит тридцать породистых кобыл и очень много мешков соли. Как вы можете просить меня пожертвовать такими богатствами?" Гасламу нечего было отдать. Вся его судьба была у него в руках, его лошади, его храбрости и благородного происхождения. Доведенные до отчаяния, влюбленные решили бежать. Мира, при мысли о своём обмене на несколько кобыл, была готова следовать за человеком, который предпочёл её всем сокровищам мира и чьей любовью она была.

Гаслам думал о поисках убежища для себя и красивой Мире у казаков, против которых он воевал так часто; но сначала он должен был переправиться через Кубань. Это было сделано в самом романтическом стиле. Полностью вооруженный и облаченный в кольчугу, он достиг места встречи, согласованного с Мирой. Он посадил её за собой на своей верной лошади, и поскакал, как ветер. Морачин пристально следил за действиями своего молодого родственника, и как только он увидел, что тот бежал, послал пятнадцать слуг в погоню за ним. Несмотря на стремительность этих лошадей, они догнали беглецов только у берега Кубани. Как и Гаслам, они бросились в реку в одежде, держась за лошадь одной рукой, гребя другой рукой, а меч держа в зубах. Мира держала гриву

лошади одной рукой, а в другой держала пистолет своего возлюбленного, она указывала ему на противоположный берег, как на спасительное убежище, где они будут в безопасности от мести своего отца. Им хватило всего несколько минут, чтобы пересечь Кубань.

Казачи наблюдали за происходящим с расстояния, и, чтобы не вовлекать себя в ссору с Морадином, они сначала расположили влюблённых в карантине и затем послали за атаманом. Гаслам, опасаясь, что его вернут Морадину, молился, чтобы его руки не были связаны, так как он хотел бы умереть, сражаясь, а не быть убитым в холодной крови. Через несколько дней после этих событий герцог де Ришелье очень кстати прибыл туда, будучи там с проверкой войск. Атаман Бурсак рассказал о приключениях Гаслама и спросил его совета о дальнейших действиях. Бурсак хотел скорее избавиться от беглецов, дабы избежать гнева к себе со стороны Морадина.

Ришелье, тронутый такой любовью, попросил показать героя этого романа. Гаслам был доставлен генерал-губернатору на следующий день. Ришелье обещал ему пособие от императора, если он будет жить в России и служить в российской армии. Он приказал, что беглецы должны быть обустроены и что не должны принимать никаких претензий или обвинений со стороны Морадина. Гаслам не мог найти слов, чтобы выразить свою радость и благодарность, когда герцог сказал, что он будет назначен полевым русским офицером. Он стал неоценимым союзником из-за своей храбрости и его отличного знания страны с большим опытом ведения войны в горах.

Эти события произошли в 1806 году. Гаслам получил должность в российской армии и разрешение поселиться в Крыму, где до этого его семья царила на протяжении стольких лет. Затем мулла, делегированный крымским муфтием, на законных основаниях по обычаям мусульман поженил его с красивой Мирой, которую до этого времени только уважал, несмотря на его страстную любовь.

В экспедиции 1807 года он поспешил предложить свои услуги г-ну де Ришелье, желая показать свою благодарность тому, кто так любезно принял его и кому он был обязан своим счастьем, сражаясь с теми, кто хотели вернуть его Моррадину и поэтому стали его злейшими врагами. После взятия Анапы, он помог отряду в экспедиции генерала Гангиелова, идя перед стрелками, вооруженный пистолетом, полон пыла, мужества и мастерства. После этой кампании, по рекомендации генерала Гангиелова, Ришелье вручил Гасламу золотую медаль с орденом Святого Георгия, так как мусульмане не могут получить крест. Лента этого чисто военного ордена желто-чёрная. С 1807 по 1811 годы он никогда не переставал доказывать свою преданность России. В 1810 году он совершил блестящий подвиг, первым бросившись на штурм крепости Сухум-Кале, за что был награждён золотой саблей с надписью "За храбрость".

Мадам Нарышкина милостиво приняла героя. На следующий день она задала ему вопрос и поняла своё легкомыслие после его ответа. Она попросила его вооружиться, как будто находится в бою, что он и сделал с поразительной легкостью. Она призвала его мчаться вперед с мечом в руке, как будто он атаковал врага. Но он лишь ответил: «То, что мадам просит меня, не может быть осуществлено. Если она хочет увидеть меня в бою, она должна пойти с нами в следующую экспедицию. Только там, из уважения к ней, я покажу, как я борюсь против врагов императора, моего и её хозяина.»

На следующий день мы сделали своего рода разведку, а точнее, мы без единого выстрела продвинулись на милю в земли Абазов, к великому разочарованию наших товарищей.

После трех дней развлечений мадам Нарышкина вернулась с теми же мерами предосторожности по дороге к Тамани, устроив нам трогательное прощание с добрыми пожеланиями и молитвами за успех нашей экспедиции. Вечером мы получили записку с сообщением, что она благополучно прибыла в Керчь. Позже мы узнали, что она уехала в Каффу, а затем и в Санкт-Петербург.

*Перевод с оригинала Демидова Александра.*